

Мансуров Андрей

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

АДОНИС

Остросюжетная фантастика

Андрей Мансуров

Адонис

«Автор»

2019

Мансуров А. А.

Адонис / А. А. Мансуров — «Автор», 2019

Заключённым-смертникам, ожидающим срока казни, внезапно предоставляют уникальный шанс! Они могут получить возможность снова стать полноправными членами Общества, если... Продержатся месяц на форпосте, на новоосваиваемой планете. Климат там, вроде, подходящий, из врагов - только безмозглые, хоть и крупные, насекомые... Но почему же никто туда особо не рвётся даже из смертников?! Понимая, что ответы можно будет получить лишь на месте, главный герой соглашается... К счастью, у него находятся и напарники. Содержит нецензурную брань.

© Мансуров А. А., 2019

© Автор, 2019

– Вы, с-сучьи отродья, наверное, думаете себе там, внутри ваших извращённых сучьих зёковских мозгов, при этом ещё и мерзенько так похихикивая, зачем, мол, этот дебильный долбодятел заставил нас стоять, словно стадо баранов, и слушать его дебильную речугу? – полковник, заложив руки за спину, не торопясь ходил перед строем заключённых, и в мёртвой тишине его зычный голос с отработанно чёткой дикцией проникал, казалось, до самых печёнок вытянувшихся по струнке мужчин.

А ещё бы им не вытянуться в эту самую струнку!

Пятьдесят десантников, в полном обмундировании, и с пушками, заряженными резиновыми пулями, окружали шеренгу из тридцати зёков, и только что «привели в подобающее состояние» восемь немаленьких ребят, которые имели глупость не делать того, что делали остальные двадцать два. То есть – стоять, вытянувшись по стойке смирно, и молча слушать «речугу».

Эванс покосился: точно, Рикер до сих пор боится утереть рот, с угла которого всё ещё течёт струйка крови, а на земле тюремного двора перед «выделявавшимся» белеют пять из его своих, то есть – натуральных, зубов. Да и Хольм предпочитает теперь помалкивать, а не отпускать затасканные остроты и циничные приколы: отбитые почки мало способствуют желанию «повыдрючиваться», и «тупо поострить», как это безобразие обозначил полковник.

Выглядел полковник... Как полковник: заправленные в надраенные до блеска десантные полусапоги камуфляжные брюки, планка с орденами на кителе, коротко стриженный ёршик волос на круглой голове. Бирка с фамилией на накладке кармана. Хотя лексика, как невольно отметил про себя Эванс, не совсем «уставная». Как и стиль «подачи материала». Да и ладно. Слушать, если он хочет сохранить здоровье, придётся. А то вдруг козлу-«долбодятлу», как уже случилось, придёт в голову проконтролировать, как усваивается материал, заставив «повторить то, что он только что сказал». На этом погорел Слаттер: правое ухо ещё кровоточит, рубаша на плече пропиталась кровью насквозь, и барабанная перепонка наверняка выбита. Но внимание к своей «речуге» полковник однозначно привлёк.

– Ну так я вам сейчас мигом всё объясню, раздолбаям штатским. Разжую, и в уши положу, выражаясь культурно. А тебе козёл – в ухо. – тычок указующим перстом в изо всех сил сжавшего челюсти бледного Слаттера, – Дойдёт даже до того дерьмового механизма, что заменяет вам так называемый мозг. – полковник остановился, наконец, перед Парком, стоявшим почти в центре шеренги, и покачался: с носков на пятку, и обратно. Парк, наученный примером остальных восьми в той или иной степени пострадавших, виду не подал, что видит это – так и продолжал стоять ноги вместе, носки разведены, руки – по швам, пристально уставившись в точку на пять дюймов выше правого плеча невысокого начальственного сволоча. По-видимому, такое поведение удовлетворило полковника, и он воздержался от нового приказа своим: «Ну-ка, навести порядок! И поставить всех так, как положено стоять перед офицером!»

– Так вот, отребье человеческих отбросов. Скоты, прославившиеся асоциальным и противозаконным поведением. Худшие из худших. Отбракованное, вы...ранное и выблеванное обществом д...мо. Смертники и получившие больше двух пожизненных. У вас есть шанс. – Эванс мысленно подкатил глаза к ослепительно голубому небу, с которого беспощадное полуденное солнце палило так, что, казалось, плавилась мозги: ну точно! Сейчас попытаются вербовать. Дебилов в отряд первопроходцев. Или первопоселенцев.

А на ...й бы им это надо?!

Ведь из таких «добровольцев», или первопоселенцев, или разведчиков выживают не больше одного-двух из каждого десятка! Полковник, однако, хоть и прекрасно понимал, что сейчас над ним не прикалывается (Мысленно – понятное дело!), или не посылает на ... (Тоже, естественно, про себя!) только совсем уж тупой, продолжал как ни в чём не бывало:

– Шанс на жизнь. И освобождение. С полным снятием всех обвинений, и прекращением ваших дел. Наше Государство, так сказать, вернёт вам ваше так называемое доброе имя и восстановит во всех правах, если вы... Сами уже догадались.

Согласитесь отправиться на Адонис. И продержитесь там больше месяца.

В-смысле, останетесь в живых.

Технически и в организационном плане это будет выглядеть так: добровольцев в полном обмундировании и с огромным боезапасом расходимых средств, то бишь – патронов, гранат, батарей для лазеров, и напалма для плазменных пушек... ну, плюс, разумеется, вода и пайки на месяц – посадочный модуль выгружает на плацдарме. Форпост, вполне пригодный для жилья и адекватной обороны, там имеется. Со всем современным оружием. Стационарным.

Вы месяц отстреливаетесь, или там, отсиживаетесь, затаившись в железобетонном укрытии – это дерьмо полностью на ваш вкус: кому как больше понравится! – а через месяц посадочный модуль опускается в том же месте, в тот же, как говорится, час, и забирает того, кто умудрился выжить.

И этот козёл – или козлы! – получает то, что я обещал. То есть, свободу, освобождение от всех обвинений и претензий со стороны нашего государства, и ещё пятьдесят тысяч зелёных на счету в Федеральном Банке. Плюс возможность служить, если возникнет такое желание, в моём спецподразделении. – полковник провёл рукой, обозначая неулыбчивых и сосредоточенно хмуриющихся солдат, окружавших шеренгу неподвижно внимавших мужчин в традиционно полосатых робах.

– А чтобы как-то подогреть ваше желание вступить, так сказать, в ряды добровольцев, убийцы вы и насильники хреновы, я приказал местному начальству всех, кто останется, ну, то есть, не «вступит», промариновать этот же месяц в карцере. В полной темноте. И без пищи. Только с водой – ха-ха. И приговоры ваши, ессно, останутся в силе.

Полковник вновь перевалился с носка на пятку, и обратно, но желающих сказать что-либо, или хотя бы пошевелиться почему-то не нашлось.

– Ага. Дошло, стало быть. – довольно констатировал плотоядно ухмыльнувшийся профессиональный гад, – Тогда приступим к промежуточной, так сказать, предварительной, стадии «набора». Может, у какого-нибудь идиота есть вопросы?

Эванс поднял руку.

– Да, заключённый двести пятьдесят три дробь ноль восемнадцать? – полковник демонстративно обратился к Эвансу не по имени, хотя оно крупно значилось на бейджике, вытатуированном на лбу зэка, а по номеру, нашитому на одежде.

– Господин полковник. Сэр. – Эванс поспешил добавить это «сэр», увидев боковым зрением, как к нему быстро делает шаг один из полковничьих архаровцев, уже замахиваясь прикладом универсальной винтовки. – Вопрос такой. Какой там климат? На Адонисе. Ну, я имею в виду, нужна ли там тёплая одежда, или наоборот – придётся носить шорты?

– Хм-м... Хороший вопрос. – полковник поправил наушник в ухе, через который ему сейчас явно кто-то как раз описывал, какой именно климат на этом самом Адонисе. Чуть поморщился, словно ему что-то попало в большой зуб, – Отвечаю. Климат – точно такой же, как здесь. На Земле. В тропических широтах. То есть – тепло и влажно. Ходить можно в одной рубашке и камуфляжных, тьфу ты – просто штанах. Плюс десантные полусапоги – там полно мелких клопов и прочих кусачих насекомых в подстилке джунглей. И в почве. Но лучше всё же всегда носить бронекорпус. Стандартный. Он входит в базовую комплектацию вещпакета каждого добровольца.

– Благодарю, сэр. – Эванс решил заткнуться и больше не выделяться. Он узнал, что променять шило на мыло, в-принципе, можно. С другой стороны, ему-то точно терять нечего. Он, Хейзинга, Локус, Рикер и ещё трое – смертники. Казнь состоится, как только дойдёт очередь. То есть, у него – года через два.

Два года жизни.

Впрочем, разве жизнь в тюрьме, да ещё в Американской тюрьме особого назначения, со всеми её варварскими «обрядами и традициями», можно назвать *жизнью*?!

Но принять предложение...

Из всего арсенала современного оружия он хорошо владеет только ножом.

Вот ножом он и завалил тех идиотов-подростков из чёрно...опой шпаны, которые попытались «вытрясти» из него наличные... Да ещё в пылу «угара озверения», и «приступа расизма» как это дело обозначил прокурор, так изуродовал мерзкие рожи, что на опознании их родные матери и узнать-то смогли лишь с трудом!

А поддался слепой злобе и «состоянию аффекта», как это обозначал уже адвокат, потому, что подростки первыми спровоцировали его. А он был обкуренный. Что и показала оперативная экспертиза. А уже спецкомиссия из всяких приглашённых психологов-хренологов констатировала полную вменяемость и адекватность Эванса.

Ну, вот ему и выдали что причиталось. По законам штата Оклахома.

Руку поднял Рикер.

– Да, заключённый пятьсот пятьдесят два дробь сто тридцать шесть.

– Господин полковник, сэр! С кем придётся сражаться там... На Адонисе?

– А, вот вы о чём... Нет, не с человекообразными. А с мутировавшими муравьями, богомолами, скорпионами, и мокрицами. Кислорода там в атмосфере в полтора раза больше, чем здесь, и эти твари вырастают до поистине чудовищных размеров. Так что никаких этих новомодных «антропоморфных», гидроидных, или бестелесных электромагнитных форм жизни. Всё конкретно, просто, и доступно. Есть в кого стрелять!

– А договориться наши не...

– «Договориться» как, разумеется, пытались наши разведчики, и переговорщики, согласно стандартной предварительной Процедуры, не удалось. Враг не способен к разумному диалогу. А сразу пускает в ход свои клешни, жвала, и ядовитую фигню из соответствующих жал и отверстий! Так что «договориться» можно только хорошей разрывной пулей, выпущенной в лоб! Ну, или туда, где там у этих гадов мозги. Ещё вопросы?

Вопросов больше не оказалось. Полковник, сердито глянув в оба конца шеренги, отступил на шаг:

– Отлично. Отлично. Желающие стать добровольцами на перечисленных мною условиях – два шага вперёд!

Эванс аккуратно сделал два шага, косясь вправо и влево.

Так, Рикер, что понятно: его очередь на казнь дошла бы через пять месяцев.

И Парк.

Что было странно – у пожилого мужчины, убившего, насколько знал Эванс, жену с любовником, было всего-то два пожизненных – *его* ситуацию в суде признали подпадающей под определение «в состоянии аффекта». Однако ситуацию несколько подпортил тот факт, что у уже мёртвого «наставителя рогов» Парк оттяпал садовыми ножницами то, что и сподвигло его жену на...

Эванс хмыкнул: ну и тройка подобралась! Парк, всегда спокойный и чуть меланхоличный с виду, худощавый и уже чуть согнутый годами. Рикер, жилистый, живой и подвижный как ртуть, но не больше шестидесяти кило. И он сам: здоровущий плотный амбал. Лентяй и циник, но при этом в их новой «команде» самый молодой: почти парень...

Да и ладно – втроём, как ни крути, погибать веселей, чем вдвоём. Или одному.

Однако материал для размышления у Эванса появился: почему это Локус, очередь которого подходил бы через год с чем-то, не вызвался? Неужели знает что-то такое, что заставляет предпочесть крохотный, но – вот именно – шанс! – месяцу голодовки в темноте, и неизбежной смерти через год?! Конечно, Локус – мужик прожжённый, и повидавший, как говорится, виды,

и уже близок к пятому десятку... Но что же он увидел, или узнал такого, что повлияло на его желание хотя бы... попробовать? Что-то такое, что не позволяет выменять гарантированный год жизни, пусть и в скотских условиях, на...

Пока лишь потенциальную, хоть и весьма вероятную, смерть через месяц?!

Полковник приосанился: похоже, даже не рассчитывал, что удастся кого-нибудь «вразумить»:

– Вы, трое, на выход! Остальным – выдайте, что положено, и – в кутузку!

Обернувшись через плечо, Эванс, уже почти вошедший в коридор, ведущий в контрольно-пропускной блок, откуда производилось и освобождение, и проводились свидания с родными-близкими, увидел, что не пожелавшим вступить «причиталось». Сорок оставшихся мордovorотов принялись избивать заключённых пудовыми кулаками, а упавших – и сапогами. Полковник же, очевидно посчитавший, что десяти архаровцев более чем достаточно для конвоирования всего троих безоружных, вышел в коридор первым.

Эванс не без мрачного злорадства отметил себе, что те, кто избивают зэков, делают это спокойно и методично, так, словно торопиться им некуда, и ту «работу», что им досталась, нужно сделать хорошо и качественно. Очевидно, производится такая демонстративная акция не без умысла – слухи о таком «наказании трусливых тварей» наверняка разойдутся по всем тюрьмам... Ну а сторожа и часовые на вышках и стенах по периметру внутреннего двора тюрьмы, отвернулись. И старательно делают вид, что очень интересуются тем, что происходит там, снаружи – в безбрежных песках чёртовой пустыни, на пятьдесят миль окружающей тюрьму со всех сторон, а не внизу, во дворе, затянутом сверху колючкой и укрытом перекрещивающимися лучами лазеров. И ничего предосудительного не происходит.

Чёрт. Похоже, полковник и правда – имеет право распоряжаться тут всем. В том числе и начальством... Впечатляет!

Через КПП прошли легко. Лейтенант, стоявший на вахте, отдал полковнику честь – Эванс, шедший первым, всего в пяти шагах за полковником, отметил буквально раболепный жест, которым начальник смены вскинул руку, и подобострастный, словно у любящей собаки, взор, сменившийся люто ненавидящим, как только полковник оказался к лейтенанту спиной. Было в этом взгляде и ещё что-то. Так смотрят, на, скажем, гиен. Или грифов-падальщиков...

Это тоже многое сказало Эвансу.

Можно подумать, это не полковник – при тюрьме, а тюрьма – при полковнике. И тот заходит сюда, словно к себе домой. Впрочем, может так и есть. Особенно, если, что почти наверняка, полковник состоит на службе хозяев, «спонсирующих», а фактически – кормящих весь персонал, и финансирующих всю работу этого специализированного так называемого госучреждения, и без денег которых всем заключённым из продуктов выдавали бы только кашу из отрубей или пшена. И воду. А так – всё-таки кормили ещё и картофельным пюре, и рисом. С рыбой. И поили чаем. И кофе.

И назывались эти «доброхоты»-спонсоры «Первый банк Содружества».

А входили в так называемое Содружество крупнейшие транснациональные корпорации. Отлично умеющие считать свои деньги. И вкладывавшие их в развитие межпланетной торговли. И добывающих отраслей промышленности на новоосваиваемых планетах. То есть – откуда-то вывозили золото, откуда-то – нефть, а кое-откуда – и алмазы. У каждой, или почти каждой планеты, до которой добирались разведчики земного Флота, находился какой-нибудь природный «ресурс», который или истощился на прародине, или... Или добывать его на этой планетке было дешевле!

Так что Эванс не обольщался насчёт «миссии», которую им на самом деле придётся выполнять. Мерзкая миссия.

Очищать и зачищать, или попросту охранять зону будущего, или уже построенного рудника, или прииска. Ну, или плантации. От сопротивляющихся захвату территории, или добыче ресурсов их недр, аборигенных форм жизни. Агрессивных и признанных «неразумными», и, соответственно, неспособными на «контакты высшего уровня». Ну, или, если рудник, шахта, плантация, или что там Содружеству нужно, уже функционирует – обеспечивать это самое бесперебойное функционирование. Защищая от нападений туземцев. И порчи имущества. Или предотвращения потрав...

Да, проблема этих самых туземцев ещё со средних веков решалась «цивилизованными» людьми просто. Если аборигены оказывались агрессивно настроенными, защищали свои земли, и сопротивлялись пришельцам – их нужно просто истребить. (Способ не столь важен – оружием ли, подбрасыванием ли заражённых смертельной болезнью одеял, или спавиванием алкоголем: методов, причём проверенных, – море!) Если настроены дружелюбно – обратить в христианство. Кто не захочет – заставить. Кто будет сопротивляться – прикончить. А способы... Смотри выше. Ну и всё прочее в этом же духе. Пока ситуация не станет такой, как с индейцами в любимой Америке.

С другой стороны – мокрицы и богомолы вряд ли действительно разумны. Так что – точно проходят по разряду «диких животных». И конвенция о Правах, равенстве, достоинстве и всём таком прочем на них не распространяется.

А в таких не грех и пострелять.

Да и с каких это пор «моралистические», «нравственные», и прочие «гуманные» проблемы истребления заведомых *чужаков* волновали лично *его*?!

Он и к «своим»-то, то есть – афроамериканцам, и разным понаехавшим, или понаплывшим узкоглазым и желтомазым относился всегда, (Признаемся самому себе!) с глубочайшим отвращением и презрением, считая, что кроме песен-танцев, содержания забегающих с «экзотической» едой, проституции, и прочего дуракаваляния на пособие, они больше ни на что не способны. Ну, разве что на вооружённый грабёж.

Полковник приостановился за порогом тюрьмы, явно ожидая, когда выведут троих добровольцев. Указал на пять чёрных джилов «Гранчерокки» с тонированными и наверняка бронированными стёклами:

– Ну-ка, по одному: в первый, второй и третий!

Эванс понял, что прецедент с малочисленностью «навербованного» личного состава – не исключение. И больше пяти человек так и так не ожидалось. (Ну, или лишних полковник сам бы «отбраковал»...) А ещё понял, что поговорить, и поделиться мыслями или сомнениями с остальными «добровольцами», похоже, уже не удастся.

Вплоть до самого момента высадки.

На Адонисе.

Обучение при всём желании нельзя было назвать ни долгим, ни тщательным.

Ему вогнали все навыки владения любым современным оружием и приёмы рукопашного боя через гипнопад.

Когда отключили чёртово устройство, и из черепа убрались сотни нанотрубочек-контактов, а с Эванса сняли, наконец, тяжёлый и жутко душный внутри колпак, голова буквально разламывалась: казалось, что сейчас из ноздрей потечёт раздувшийся и вскипающий от обилия новой информации, мозг!

Но мозг не потёк, вместо этого его просто вывернуло в предусмотрительно подставленное кем-то из полковничьих архаровцев зелёное пластиковое ведро, и Эвансу вроде как полегчало... Его почти нежно подхватили под белые ручки, наверняка отлично понимая, что сам он не то что сопротивляться, а и ноги передвигать в таком состоянии не сможет. Провели по

белому коридору. Завели обратно в одиночку, и навстречу лицу услужливо метнулась тонкая, в два пальца, подушка...

Проснулся он от стука отщёлкнувшегося окошка в стальной двери: на поверхность его крышки с нарочито громким стуком поставили чашку с кашей и миску с супом. Он невольно поморщился – звуки после гипнопеда казались нарочито громкими.

Но традиции кормёжки, похоже, здесь – совсем как в любимой, и почти родной, тюрьме.

Тело не желало слушаться, и ноги на первых порах разъезжались, но встать и проковылять на заплетающихся два шага до этой самой двери пришлось: как ни странно, есть хотелось. Сколько же времени его на самом деле «обучали»? И сколько он после этого валялся в отключке? Сутки? Час? Или...

Больше? Иначе с чего бы так съёжился пустой желудок?

Еда, надо признаться, привела его в себя. Ну, что вернее – те препараты, которые в неё наверняка добавили. Для его скорейшего «очухивания». Однако много размышлять и предаваться самоанализу на предмет что же он теперь знает, и насколько хорошо владеет оружием, или когда его отправят на чёртов Адонис, не удалось.

Едва покончил с едой, на пороге снова возникли архаровцы – десять человек!

Ух ты. Похоже, уверенность полковника в том, что курс – адекватно усвоен, и навыки рукопашного боя улеглись куда им положено было улечься, основана на фактах. Поэтому и эскорт столь солиден! Сержант, отличавшийся на вид только более злобным выражением колючих глаз, и звёздочкой на зелёном берете и нашивках, рывкнул:

– Заключённый! На выход!

Вот как. Никакой он не доброволец, а всё ещё – «заключённый».

Проезд в уже знакомом бронированном массивном джипе теперь от здания Обучающего Центра, как его обозначил полковник, до космодрома занял почти час. Всё лучше, чем те три, что ушли на проезд сюда от тюрьмы: уж больно неприятно было ощущать под рёбрами дула пистолетов, которые ретивые полковничьи холуи непримянули упереть ему в бока...

Сейчас пистолетов не было, как и настороженных взглядов. Поскольку он сидел в гордом одиночестве. Правда, не на удобном сиденье в середине салона, а на жёстком подобии сиденья, скорее, похожем на ящик для патронов, в заднем, багажном, отсеке. Решётки на окнах из прутка – в его большой палец. Бронеплита борта – миллиметров семь, не меньше: постучал по ней, понятное дело... Солидно, ничего не скажешь.

И если б кто и собрался сбежать, то даже самый раступой «доброволец» понял бы, что уж не отсюда...

На космодроме его уже ожидали. Два других джипа мирно застыли в тени огромного, мерзко вонявшего кислотным топливом и горелой пластмассой, цилиндра, из чего Эванс сделал вывод, что остальных сотоварищей по несчастью уже привезли и загрузили. Сержант, загремев связкой ключей, отпер замок. Распахнул заднюю дверь. Осклабился:

– Пошёл! Вперёд! К трапу шагом марш!

Понимая, что вокруг космодрома точно такая же пустыня, как и вокруг тюрьмы, и пытаться сбежать куда-либо пешком, или спрятаться – ха-ха! – смысла никакого нет, Эванс двинулся к десятиметровому трапу – простой лестнице из карболюминиевых трубок, с перилами, упиравшейся верхним концом в чёрную прямоугольную дыру люка.

Подъём по подозрительно скрипящей и шатавшейся конструкции тем не менее прошёл гладко. Ну, почти: на десятой ступеньке он поскользнулся, и если б не перила, точно грохнулся бы с высоты трёх метров. Архаровцы, оставшиеся внизу, и провожавшие его сосредоточенно-хмурыми взорами, не прокомментировали. И даже не поржали. Из чего Эванс сделал вывод о чётко поставленной дисциплине. Впрочем, он сделал его и раньше. И желания вступить «в элитные ряды», даже если б удалось выжить, не испытывал никакого. Муштра, обя-

занности тюремщика, и воинская дисциплина – не для его характера. Начальства над собой он никогда не терпел.

Внутри корабля имелся ещё трап. Поднявшись по нему, Эванс обнаружил пятерых охранников – в форме экипажа, но с парализаторами. А поскольку смысла падать замертво и биться в конвульсиях он не видел, пришлось повиноваться приказу, и протопать в так называемую каюту – клетушку два на четыре шага, с койкой, и санузлом. Даже не прикрытым, или не отгороженным никакой ширмой.

– Ложитесь и пристегните ремень. – худой усатый офицер пониже среднего роста, явно бывший тут за главного, не стал пояснять для чего нужно это делать, а просто закрыл за собой дверь, оставив Эванса стоять у постели. Щёлкнул замок.

Эванс решил внять наказу: мало ли! А вдруг при взлёте будет болтать?

При взлёте болтало.

Это если сказать мягко. А вообще – трясло и колбасило так, словно он на крохотной шлюпке попал в самое сердце штормящего океана. Счастье ещё, что в еду ему, похоже, добавили и других соответствующих препаратов – да, он ощутил непривычный привкус! Но посчитав, что травить его новым «работодателям» теперь совершенно ни к чему, съел всё! Вероятно, поэтому почти и не тошнило.

Выход на орбиту занял, по его прикидкам, с полчаса – современные инверсионные двигатели позволяли бронированной малообтекаемой (Не то, что те – старые!) машине атмосферного модуля двигаться по «экономичной» траектории, сберегая для хозяев посуды дорожное топливо, зато не слишком щадя нервы и здоровье находящихся внутри... Но кого и когда волновало самочувствие и нервы контрактников, находящихся на госслужбе, или пассажиров, взлетающих на казённой посудине?!

Наконец рывки и толчки прекратились. Тело наполнилось восхитительной лёгкостью, и если б не ремень, то запросто могло бы взлететь к подволоку каюты. Однако насладиться невесомостью удалось не больше пары минут – похоже, пилот оказался ассом, и ввёл капсулу спускаемого модуля в чрево межзвёздного транспорта быстро и аккуратно.

Эванс почувствовал новые толчки, и снова навалилось ускорение – на этот раз не меньше трёх «же». Но хотя бы – стабильное, без рывков и скачков, словно забрался на сбрендившего мустанга... Но он не стал беспокоиться по этому поводу – что ему, вполне себе тренированному – три «же»: он – не изнеженная и избалованная богатая женщина, из-за которых разгон пассажирских и круизных межзвёздников происходит вдвое дольше.

Теперь можно было и «попредаваться развлечениям» – то есть, рассмотреть подробно подволок (звёздные экипажи предпочитают терминологию моряков) и те части стен, которые оказались в пределах видимости. Ну, белые, ну крашенные... В одном из углов какой-то юморист изобразил, процарапав краску до металла стены чем-то острым, крышку гроба с крестом над ней. Эванс иронию вполне заценил. Но, если честно, особо не расстроился – вот уж чего там, позади, было не избежать – так это как раз именно такого исхода. Причём – не на кладбище, как положено нормальным людям, а – в жерле кремационной печи...

Ну вот не любит так называемое демократическое и цивилизованное Общество таких агрессивных и асоциальных типов с уклоном в расизм!

Разгон занял часа два, и момент входа в гиперпространство Эванс, если честно, почти пропустил – он вроде как задремал, убаюканный мерным гудением из-под пола, и мелкой, но не раздражающей благодаря матрасу дрожью своего ложа. Но ошибиться было невозможно: зубы заныли, уши заложило, и в голове словно взорвалась световая граната.

Затем на него навалилась чернота, и всё бытие потонуло в диком всепроникающем вое, всегда сопровождавшем путешествие по ноль-трубкам. Про такое Эванс раньше лишь слышал

рассказы, ну а теперь убедился и сам – нет в путешествии по сверхкратовине ничего ни приятного, ни запоминающегося...

Очнулся словно рывком – будто вынырнул из-под воды!

И вот оно: бытие! Хм.

С отвратительным осознанием того факта, что сам сунул голову в петлю, да ещё и оскалится. Он... удержал вздох.

Поздно пить минералку, когда почки отказали.

Оказалось, что он всё ещё жив, и лежит на той же койке. А тело весьма прилично занемело: он осторожно подвигался, понапрягал мускулы... Отстёгиваться от койки, впрочем, не спешил. Однако через ещё два часа торможения при тех же трёх «Же», вернулась и нормальная сила тяжести – вышел, стало быть, транспортник на орбиту.

Вокруг Адониса.

Сейчас начнётся...

И точно. Дверь защёлкала оборотами ключа в замке, и распахнулась.

– Заключённый! Жив?

Пришлось подтвердить.

Худой офицер удовлетворённо, как показалось Эвансу, кивнул, дверь захлопнулась, ключ снова провернулся.

Процедура вылета посадочной капсулы-модуля из своего гнезда на носителе-транспортнике повторилась. Только зубодробительный полёт прошёл теперь в обратном порядке: в виде посадки. Трясло и штормило ничуть не меньше, из чего Эванс сделал вывод о том, что и атмосфера – ничего себе, в смысле – толстая и плотная, и чёртов Адонис размером не уступает земле – гравитация, стало быть, будет вполне привычной.

И точно: когда посудина наконец замерла, пару раз приподнявшись-опустившись на амортизаторах кронштейнов ног, тяжесть тела оказалась вполне привычной: никакого свинца в руках и ногах! Хотя и никакой «лёгкости». Ну и ладно.

Правда, теперь ему пришлось довольно долго, чуть ли не час, ждать, пока его выпустят из каморки. Но его выпустили. И даже сунули в руки объёмистый рюкзак:

– Это – ваше стандартное обмундирование, доброволец. (Ага! Уже – доброволец!) – Одевайте, когда прослушаете инструктаж, уже у блока форпоста. На выход!

Солнце оказалось не оранжевым, как он привык, а голубым.

Из-за этого всё вокруг казалось словно погруженным в толщу воды. Ну, или напоминало старинные клипы, выдержанные в холодных тонах: мертвящая голубизна придавала и скалам, и джунглям, и песку, оказавшимся снаружи, отвратительный неживой оттенок. А стоило высунуть голову за кромку люка, как навалилась и жуткая жара, усугублённая чудовищной влажностью: все открытые участки тела вмиг покрылись бисеринками пота!

И поскольку дело явно шло к закату, мрачные и длинные чёрно-фиолетовые тени наводили словно бы дополнительную тоску – закат жизни, «так сказать», как выражается любимый полковник.

Смог Эванс наконец и осмотреть и оценить форпост: укрепление, которое им с напарниками предстояло оборонять.

К подножию почти вертикальной скалы вплотную приткнулось приземистое безликое сооружение, похожее больше всего на самую обычную коробку из-под обуви. Серые бетонные стены – с полосами от щитовой стандартной опалубки. Плоская чёрная (Залитая битумом, что ли?) крыша с парашетом, крытым самым обычным кровельным железом. Никаких окон – лишь чёрный квадрат немаленького входного люка: на уровне примерно пяти метров от поверхности песка.

Вокруг монументального, словно отлитого цельным куском за раз, бетонного сооружения имелась явно специально очищенная голая полоса песчаной почвы – не менее ста шагов шириной. Эта полоса, почти правильный полукруг с центром-форпостом, отделяла их будущее жилище от мрачно смотревших, как показалось Эвансу, тёмных деревьев. Из которых, как выяснилось при более внимательном рассмотрении привычными глазами, состояли монолитные заросли. Сама полоса песка обеими сторонами тоже как бы упиралась в отвесную скалу из чёрного в вечернем освещении камня. Эванс задрал голову: нет, верхней кромки скалы не видно: похоже там, наверху, стена не столь крута и неприступна. Да и ... с ней.

Входная дверь форпоста, а точнее – люк входа оказался достаточно широким. Его Эванс безошибочно узнал по тому, что как раз в этот момент универсальный погрузчик впихивал туда огромный контейнер. Очевидно, последний, поскольку после выгрузки массивная машина отъехала назад, втянула под брюхо рабочий орган – стрелу, и жужжа сервоприводами ходовых моторов, направилась к спускаемому модулю. И площадка лифта, на которую она въехала, втянулась в брюхо корабля.

Но всё это Эванс наблюдал краем глаза, а пока его заставили подойти к остальным сотоварищам по несчастью, уже стоявших по стойке смирно перед давешним худым офицером. Дожидались только его.

Он встал, как было приказано, в строй – хотя про себя усмехнулся: ну и строй! Из трёх-то человек! Впрочем, вполне возможно, что такой форт здесь не один, и туда людей высаживает другой модуль, или модули. А другие «добровольцы» набраны из другой спецтюрьмы – таких заведений, насколько знал Эванс, на одной только земле – тысячи. В одной только Америке – сто восемьдесят четыре.

– Итак, добровольцы. – офицер не счёл даже нужным представиться, как это сделал полковник. Похоже, не считал нужным распинаться особо перед теми, кто всё равно вряд ли продержится здесь не то что месяц, а и пару дней, – Напоминаю. Ваша задача – выжить в этом форпосте. Один месяц. Питьева вода здесь уже имеется – в резервуарах на подземном уровне. Пищу и расходные боеприпасы мы вам доставили в контейнерах, соответственно, номер один и номер два. Как с этим всем обращаться, вас научили. (Ну, курс вам в головы вдолбили. А уж усвоился он там, или нет – ваша проблема!)

Большую часть времени здесь всё тихо и мирно. Насекомые нападают обычно в обед, или после обеда. Почему они не делают этого утром, вечером, или ночью, я сказать не могу. Впрочем, как и наши умники-эксперты. Спецы по ксено, как они её называют, зоологии. Но факт остаётся фактом: ночью вы можете, если не боитесь, конечно, дрыхнуть, даже не выставив караул – здесь, в главной операторской, имеется охранная система. Она подаёт звуковой сигнал, когда охраняемый ей периметр объекта, – офицер обвёл расчищенное пространство просеки рукой, – кто-то пытается нарушить. Я имею в виду – кто-то действительно опасный, то есть – крупнее мыши.

Думаю, всё про наших основных противников вы поймёте уже через четырнадцать-пятнадцать часов. А сейчас здесь вечер, девятнадцать часов сорок семь минут по местному времени. Сутки, кстати, составляют двадцать шесть часов. Поэтому ваш «срок» – хе-хе! – будет несколько *больше* стандартного земного месяца. Темнота наступает, по причине осени, в двадцать часов ноль четыре минуты, светает – в ноль семь пятнадцать. Вопросы?

Эванс поднял руку.

– Да, доброволец Эванс?

Вот! Приятно! «Доброволец Эванс!» Вообще – супер-прогресс!

– Господин... э-э... майор, сэр, – Эванс подумал, что лучше со званием перебраться, чем недобрать, – А почему вокруг не видно раненных? Ну, или трупов? Ну, тех, нападавших насекомых? Они же, насколько я понял, весьма... э-э... Крупные?

– Вопрос по существу, доброволец. Отвечаю: раненных тварей вам придётся в любом случае добывать – до смерти. Потому что они крайне настырны, и до тех пор, пока у них остаётся хотя бы одна двигающаяся конечность, пытаются добраться до форпоста, и сожрать его обитателей. Трупы же и их части расчлениают, закапывают, и, вероятно, съедают, обитающие здесь под слоем почвы и песка гигантские хищные многоножки.

Вот они на наш форт не нападают никогда. И выползают на поверхность как раз – только после заката. Но, к счастью, убираются назад, под землю, с восходом. Так что совершать, так сказать, пешие прогулки при луне не советую. Никакой, как это говорится, романтики не получится. А просто сожрут за милую душу – подкравшись так, что и песчинка не шелохнётся! Хе-хе.

Но Эванс ещё не закончил, и поднял руку снова:

– Да, доброволец? – на этот раз голос звучал куда раздражённой, из чего Эванс сделал немудреный вывод, что офицер хотел бы убраться с песчаной полосы поскорее.

– Сэр, не смогут ли эти... многоножки – подкопаться под наш форт?

Офицер хмыкнул:

– Нет, разумеется! Вы же не считаете, надеюсь, полными идиотами наших армейских сапёров и строителей? – Эванс поспешил покачать головой, – Форпост построен на толстой монолитной железобетонной подушке-фундаменте – в пять футов толщиной, примыкающей непосредственно к скале, – офицер мотнул головой в её сторону, – Процедура строительства таких сооружений стандартная. Без спецоборудования не больно-то подроешься! Ещё вопросы?

Руку поднял Рикер.

– Да, доброволец Рикер?

– Господин майор, сэр, – из-за выбитых зубов речь Рикера оказалась не слишком внятной, но понять слова оказалось возможно вполне, – Предыдущие... Вахта – погибла?

Вопрос явно немного смутил офицера: он помялся. Но ответил честно, без хождений вокруг да около:

– Да, доброволец, предыдущая вахта погибла. Мы уже забрали трупы.

– Всё ясно, сэр. – однако продолжения не последовало. Рикер явно узнал всё, что хотел. Офицер помолчал ещё немного, поморгал, щурясь на «добровольцев». После чего скомандовал:

– Раз вопросов больше нет – вперёд!

Они забрались через немаленький проём входного люка внутрь по вновь приставленной портативной лестнице. После чего лестницу – стандартную, как понял Эванс – вернули к входному люку спускаемого модуля. Офицер напутствовал их коротко и ясно:

– Советую дверь запереть как следует. Несмотря даже на то, что она находится на высоте пяти метров. Да и люк на крышу лучше на ночь всё-таки – тоже запирать. И оружие, которое там стоит, на ночь убирать в его шахты. И вот ещё что. Если форт *не* оборонять, чёртёвы твари вполне в состоянии вскрыть даже металлическую дверь. Или люк. Жвала и клешни у них прочные – похлеще любой бронебойной стали! И, кроме того, твари создают снаружи такой гвалт и какофонию, что очень трудно попросту не спать. Так что просто отсиживаться внутри не рекомендую! Пожалее. Убивать их – придётся!

Элементарно для того, чтоб просто не подпускать к форпосту, и на его крышу!

Пока Эванс думал, что бы такое достойно ответить на этот «милый сюрприз», майор спокойно прошёл к модулю, и поднялся на борт. Остальные, уже забравшиеся внутрь солдаты, поспешили втянуть туда же приставную лестницу, и задраить люк. После чего спустя всего минуту модуль стартовал, подняв вокруг себя море песка и пыли.

Трое «добровольцев» успели к этому времени действительно задраить входную дверь на имевшиеся массивные щеколды и замки, и наблюдали за стартом через трёхдюймовое бро-

нестекло в ней. Впрочем, кроме перевёрнутых струй-факелов выхлопных дюз почти ничего видно уже не было – сумерки снаружи как-то неожиданно быстро сгустились в ночной мрак.

– Сейчас бы сказать что-нибудь умное. Или пафосное. – щека Парка дёрнулась, – Типа того, что «Давайте держаться вместе, ребята. Тогда, может, и выживем». Но думаю, в этом нет нужды. Мы все – такие, какие есть. То есть – законченные эгоисты. И привыкли полагаться только на себя. Поэтому предлагаю, не поступаясь, так сказать, личным пространством и свободой, всё-таки хотя бы минимально – сотрудничать. Может, и правда – выживем.

Эванс буркнул:

– Согласен. Если действовать, как сплочённая группа – есть хотя бы шанс. Не то, что у одиночки...

Рикер покачал головой:

– Если наседать будут с трёх сторон, нам бы и правда – лучше сотрудничать. Небольшой угловой сектор простреливать и контролировать – легче!

Руку Парку и Эвансу он тоже пожал. Эванс спросил:

– Парк! А что ты думаешь про наших... Ну, тех, кто нас сюда, если можно это так назвать, завербовал?

– Они – сволочи. – Парк сказал это просто и без мелодраматизма, словно просто констатировал факт, не подлежащий сомнению, – И просто хотят нашими руками жар загребать. Ну, или въехать в рай на наших... Сказал бы, как положено – ...ях! Но я же культурный: поэтому – загревках.

– Ты это о чём? – Рикер нахмурил брови.

– Да всё о том же. Готов поспорить на зубочистку против своей жизни, что там, в тыльной части нашего форпоста – шахта. Или штольня. И какие-нибудь автоматы бурят или роют здесь какие-нибудь новые штольни и штреки для добычи полезных ископаемых. А модуль прилетает на самом деле только за тем, чтоб забрать добытое.

– А ты-то откуда это узнал?!

– Увидел. Да и ты увидел, только не осознал. Ну, или значения не придавал. Что, хочешь сказать, что гигантских отвалов пустой породы, которые чуть ли не выше, чем кромка джунглей, там, возле соседней скалы, не заметил?

Рикер запустил пятерню в чуть отросший ёжик волос на затылке, косясь, однако, на стальную лестницу, ведущую, как они сразу догадались, на крышу блокпоста:

– Чёрт! Ты прав, заметил. Но – ты опять прав! – значения не придавал. Вот я балда! Даже не подумал, что вывести транспортёр наружу из любой шахты с помощью самой обычной горизонтальной трубы, что торчит там, словно чёртов палец, или стоящий на «полтретьего» ...рен – пара пустяков! И наших с...анных бизнесменов наверняка абсолютно не волнуют вопросы экологии и «загрязнения местной среды» отходами!

– Да уж. Адонис-то, похоже, чем-то полезным... Ну, или таким, что можно выгодно продать – всё-таки богат. Ладно, вопросом, чем именно, можно заняться и позже. А пока почему бы нам не проверить, чем эти гады нас-таки снабдили.

И как и что тут устроено.

Предложение Парка восприняли без энтузиазма, но все отлично понимали, что именно это и нужно сделать в первую очередь. Поэтому никто и не возразил.

В большом контейнере действительно оказались боеприпасы: в коробках, лентах, и модулях. Всё готовое к употреблению: только вставляй, или подсоединяй к оружию. Блок автодиагностики, большая аптечка, тубус старинного ручного гранатомёта. Плюс стандартный же набор для выживания: сигнальные ракеты, капсулы с дымовыми шашками, осветительными палочками, поглотителями углекислого газа, баллончики с репеллентами...

Рикер проворчал:

– Всё равно на крыше сейчас темень, хоть глаз выколи. Утром проверим.
Снова никто и не подумал возразить.

Во втором, небольшом, контейнере и правда оказалась еда. То есть – стандартные рационы пехотинца в количестве ста комплектов. Хм... Запас?

Эванс поймал себя на том, что чешет затылок. Но... На какой такой «критический» случай чёртов «запас»? Или... Кто-то мог всё же здесь выжить, и пришёл (ну, или приполз) бы к ним за помощью? Однако он свои домыслы озвучивать не стал. А остальным, судя по всему, на наличие пищевого запаса было глубоко на...ать.

На крышке второго контейнера оказался и прикреплённый к её внутренней плоскости ящик с универсальными боевыми комбезами: защитного цвета, из прочнейшего кевлита. Эванс хмыкнул: такие не пробивает ни одна пуля, и, разумеется, не прокусывает ни одно жало или челюсть. Что не мешает этим костюмам быть необычайно лёгкими и гибкими. Размеры оказались подобраны верно: сорок восьмой, пятидесятый, и пятьдесят четвёртый: Эванс из всех был самым крупным.

– Ладно, с этим понятно, – Эванс утёр со лба выступивший почему-то пот, – Может, осмотрим теперь и сам блокпост?

– Конечно, осмотрим. – Рикер всё ещё не мог приспособиться говорить нормально без передних зубов, и сейчас скривился, словно челюсти побаливали из-за дырок в дёснах, – А контейнеры со всем этим барахлом, наверное, так пока здесь и оставим. Да и чего нам их таскать: они ни в одну внутреннюю дверь и не пролезут.

Эванс, продолжая вытирать настырный пот, огляделся.

Внутри достаточно просторное само по-себе помещение прихожей-тамбура изысками дизайна не поражало: стандартная армейская раскраска – потолок и стены до середины высоты белые, ниже – зелёные. Эванс подумал, что, похоже, мерзкий оттенок этого зелёного специально выбирают для того, чтоб желание возникало только одно: поскорее отработать заключённый с армией Контракт, да слинять из таких «живописных» покоев к такой-то матери.

А ещё Эванс подумал, что Рикер прав: три двери, ведущие во внутренние помещения, и располагавшиеся в остальных трёх стенах входного тамбура, в ширину не превышали полутора футов: может, чтоб в любом случае исключить проникновение туда существ крупнее человека? Хм-м...

Для начала решили пойти в левый от входного люка проём.

Так, всё ясно. Стандартная спальня, с пятью стандартными же армейскими койками: из лёгких стальноминиевых трубок, и пружинными сетками-днищами. С казёнными плоскими подушками и одеялами, с уложенными на них сверху свежими простынями и наволочками: для новой, стало быть, смены. Запасной, или второй выход имелся только в полу: на нижний уровень. Логично: на случай экстренной эвакуации лучше вот именно – спускаться на более глубокие, а, следовательно, и защищённые, уровни их «крепости».

Эванс сказал:

– Кому какая койка нравится?

Рикер сделал приглашающий жест:

– Давай, выбирай первым.

Эванс бросил рюкзак со своими вещами на крайнюю справа постель. Парк аккуратно положил свои вещи под среднюю. Рикер открыл рюкзак, вынув защитную майку. Скинул китель на крайнюю левую койку. Майку, оказавшуюся под китем, и почерневшую от пота под мышками, развесил на её спинке. Свежую из рюкзака одел:

– Ну вот. Чтоб мне лопнуть, я готов к продолжению экскурсии.

Они вернулись в тамбур. И протопали теперь в правый проём.

Столовая. Она же и кухня. Со стальным столом десяти футов в длину, и десятью табуретками с ножками из стальных уголков, и сиденьями из старой доброй древесины.

– Блинн. Хоть задницы мёрзнуть не будут. – попробовал мрачно пошутить Эванс.

Шутки никто не оценил. А кроме большого холодильника, люка конвертера для мусора и микроволновой печи в углу, ничего тут больше не имелось выдающегося, или заслуживающего внимания. Разве что точно такой же как в спальне, люк в полу...

За проёмом в дальней стене тамбура располагалась операторская.

Парк довольно хмыкнул, и поспешил присесть на центральное кресло перед большим пультом. Рикер буркнул:

– Разбираешься?

– А то! Тринадцать лет сидел за почти таким же на заводе по переработке списанных аккумуляторов!

Но некоторое время на изучение обнаружившегося хозяйства у Парка всё же ушло. Его напарники, подошедшие и молча стоявшие чуть позади, всматривались и в изображения на восемнадцати мониторах над, и вокруг пульта, и в располагавшиеся на панели перед Парком индикаторы, кнопки, рычаги и тумблеры. Однако никто из них не торопился о чём-то спрашивать: пусть-ка спец – «профи» изучит, и объяснит.

Парк вздохнул:

– Обидно. Всё до крайности просто, и незатейливо. Вот эти три монитора «бдят» за местностью вокруг: камеры большие, стационарные, закреплены в одном положении. Объективы мощные. Поле зрения перекрывается и слева и справа на двадцать градусов. Незамеченным никто не пройдёт: здесь, – он ткнул пальцем. – Есть и датчики системы, следящей за движением. Далее: вот эти одиннадцать камер, уже небольших, внутренних, – как я понял, следят за внутренними помещениями нашего блокпоста-форта: вот и вот: спальня и столовая. Тамбур. А это – нижние уровни. Средний. Склад запчастей – вон они, разложены по стеллажам. Нижний Уровень. Ангар с роботами-ремонтниками: вон те две здоровенных хреновины на гусеницах и колёсах. Помещение для цистерн с водой – технической и питьевой: вон, на боках написано. – действительно, на боках трёх огромных продолговатых цилиндров так и было написано: «Питьевая», «Техническая», и «Дождевая» – как понял Эванс, собранная дренажной системой с плоской крыши. Ну и правильно: не пропадать же добру, которое можно в случае чего – и хлорировать!

– А это – машинный зал. Тут у нас... Э-э... Микрореактор, для выработки электричества, стало быть. Думаю, не столько для нас, сколько для чёртовых добывающих автоматов. – Парк ткнул пальцем в последние три монитора, – Шахта. Вот это – проходческий комбайн, видна его торцевая, то есть – задняя, часть. Это – главный штрек... Странно, но нигде не вижу опор для крепежа. Стало быть, порода цельная и прочная. А это – выводящий пустую породу транспортер. Вон она – его наклонная труба. А вот это, – он кивнул на центральный, самый большой нижний экран, – сердце всего этого безобразия: обогагательный цех. Нетрудно догадаться, что всё остальное, и мы в том числе – просто жалкие приделки, и расходуемый материал, необходимый для защиты шахты. И обеспечения добычи того, что здесь добывают. Нечто, как я вижу, очень важное и стратегически ценное.

– И чего же здесь такого «ценного» и стратегически важного добывают? – в тоне Рикера явственно чувствовалось раздражение.

– Догадаться нетрудно – даже с одного раза. Хотя бы по тому факту, что нам отвели всего месяц. И створки чёртова люка, ведущего в систему штреков и штолен – вон, их отлично видно! – явно со свинцовой обивкой. Впрочем, не слишком-то она помогает обычно... Так что от просачивающегося и остаточного излучения мы очень даже спокойно сдохнем и сами, даже если до этого нас не прикончат твари-мутанты.

Уран.

Рикер реагировал, надо признать, бурно:

– Вот п...расы! Гнусные твари! Сволочи с...ные! Козлы вонючие! Да как они!.. Это же – нарушение всех «Прав человека»! Да и этой, как её... Морали! Нельзя вот так, без всякой защиты, ну там – свинцовых скафандров, спец-еды, дезинфицирующих растворов для смывания радиоактивной пыли, или ещё чего такого, людей – бросать в самое пекло!..

– Согласен. Однако вот они: датчики радиации. – Парк ткнул в них пальцем, – Шахта и штольни замурованы всё же, как я вижу, неплохо. И шлюз со свинцовыми створками тоже не пропускает слишком уж много. И сюда, в блокпост, радиация проникает не так сильно, как я было испугался. А отвалы с отходами достаточно далеко, в полукилометре.

Так что если не будем сами, как бараны, лезть в подземелья, свободно продержимся этот самый месяц: вон, фон здесь, внутри помещений блокпоста – всего в пять раз выше стандартного. Земного. Могу порадовать: если и сдохнем, так точно – не от облучения!

С Рикера, покрасневшего, как рак, и сразу покрывшегося потом, сошло:

– Да?! Ф-фу... Спасибо, Парк. А и правда – успокоил. А то я уж было... – что именно «было» они не узнали, потому что снаружи, из-за стен, вдруг послышался быстро нарастающий жуткий звук, превратившийся в чудовищный рёв и вой, словно к форпосту приближается поменьшей мере стадо драконов. Голодных и злых!

Нахмурившийся Парк, вглядывавшийся в переключенные им сейчас на инфракрасный диапазон экраны наружного обзора, покачал головой:

– Чёрт! Я поверить не могу! Или у нас очень чуткие наружные микрофоны... Или вон та стая летучих мышей и производит всю эту какофонию!

Взревела сигнализация: детекторы движения наконец уловили приближение объектов, признанных «опасными». Гнусно дребезжащий и похрюкивающий зуммер Парк поспешил отключить, как и убавить до минимума звук из наружных микрофонов. Но наблюдать за происходящим оказалось неприятно и в таком варианте.

Разрозненные, отдельно летящие тела очень быстро сменились плотной тучей: огромной армадой, состоящей, конечно, всё-таки – из отдельных тел. Но различить их оказалось уже невозможно: плотный клубок казался теперь монолитным, словно на форпост накатывает штормовая волна, настоящее цунами, смерч!

Когда здание захлестнуло, Эванс невольно поёжился: звуки теперь доносились не только из динамиков трансляции, а и непосредственно из-за стен и крыши! Скрежет и стук наводили на крамольную мысль, что чёртовым созданиям и бетон – не помеха.

– Б...ство! Такое впечатление, что наши чёртовы бетонные стены сейчас прогрызут! – Рикер, очевидно, тоже впечатлённый и звуками снаружи, и зрелищем крохотной чрезвычайно зубастой пасти твари, что пыталась сейчас сгрызть объектив одной из наружных видеокамер, невольно отшатнулся от экрана, – И камеры сожрут!

– Не думаю. – Парк оставался спокоен, словно и такое тоже видывал не раз, – Всё-таки старая добрая сталь обычно покрепче дентина.

– Чего?..

– Ну, той субстанции, из которой состоят как правило зубы всех живых существ на углеродистой основе.

– Умный, да?! – в устах Рикера это звучало как оскорбление.

Парк тем не менее не клюнул:

– Не претендую. Просто изучал. В связи со спецификой. Наши силовые, и кабели для связи и управления вечно грызли крысы. Непонятно чем, но привлекают этих тварей слабые электрические импульсы, проходящие по линиям связи, и сильные – которые идут уже по силовым кабелям. Вот и пришлось познакомиться, так сказать, непосредственно и с этой проблемой.

Проще говоря: зубная эмаль, и то, что под ней – не может быть прочнее стали.

Рикер, казалось, снова успокоился. И попыток развить конфликт больше не делал. Просто проворчал, увидав и правда – как тварь отчалила, возмущённо разевая пасть с обломанным зубом, и дико вереща:

– Извини, Парк. Что-то я нервный сегодня.

– Без проблем. Можно подумать, я спокоен, как танк.

– Хм-м... Ну да, так и можно подумать. По тебе никогда не скажешь, что ты сильно переживаешь!

– Снаружи – да. Но внутри, я-то понимаю, что я – комок обнажённых нервов. Хочется лезть на стену и вопить. А если я этого не делаю, так только потому, что понимаю – уже поздно. И бесполезно. Попали мы. И вой – не вой, ругайся – не ругайся, толку не будет. Значит, надо помалкивать в тряпочку, да работать. Над выживанием.

– Парк. – это в диалог решил наконец вклиниться Эванс, – А ты не мог бы просветить и нас? Почему мы – «попали»? Чего такого ты понял про эту «миссию», что настроен так пессимистично? Поделишься? Мы ведь всё-таки – в одной лодке?

– Можно и поделиться. Хотя делиться-то особенно и нечем. Просто меня притащили сюда, на поверхность Адониса, первым. Когда бригада корабля ещё только забирала те контейнеры, что оставались с того раза.

– Ну и... что?

– А то. Судя по весу большого, ну, того, что с боеприпасами, он не был опорожнён и наполовину. То есть – люди или очень быстро погибли, или... Не знаю... Свалили отсюда к такой-то матери, ещё до того, как прошла какая-нибудь пара недель их вахты!

Некоторое время все молча следили за происходящим снаружи. Затем, видя, что туча оставила попытки пробиться внутрь, или повредить наружное оборудование блокпоста, и улетает вверх и в джунгли, Рикер всё же прокомментировал:

– Н-да. Не вдохновляет.

– Не то слово. А что самое обидное – ничего не понятно. Ведь трупов никто не забирал. Ну, вернее, это я не видел, чтоб их забирали... А если трупы и были, так они должны были или остаться внутри блокпоста... Или тогда уж – на крыше! А крыша, – Парк ткнул снова пальцем в монитор, на котором темнела зелёным в инфракрасном диапазоне эта самая крыша, – пуста, словно высокогорное пастбище зимой! Все штативы и лафеты с оружием – утоплены в свои шахты, и закрыты крышками. И ни останков, ни даже стреляных гильз я не вижу даже при сильном увеличении!

Парк и правда – снова сделал наплыв, и поверхность плоской крыши стала видна так, словно они чуть ли не лежат на ней. Мужчина подвигал джойстиком камеры, и изображение задвигалось, показав чуть ли не полный охват поверхности. Ну и – ни-че-го!

– Погоди-ка... – Эванс нахмурился, – А не могли их все, ну, трупы, и гильзы, сожрать наши маленькие друзья? – он показал пальцем направление, в котором «отбыла» стая.

– Могли, конечно. Трупы-то – точно. Кроме самых крупных костей. Но уж никак не гильзы: ведь они по старой доброй армейской традиции изготовлены из латуни! Сам знаешь, Эванс – не слишком питательный или вкусный материал.

– Да уж. Согласен. Но... Может, гильзы и пустые блоки из-под боеприпасов с крыши забрали наши?

– Не знаю. Врать не хочу. – Парк откинулся от пульта так, словно тот уже изрядно надоел ему, – Говорю же, что застал только момент, когда забирали контейнеры.

– Ладно. – как бы подытожил беседу Рикер, – Раз уж на нас пока больше никто не нападает, и опасность нам, вроде, не грозит до завтрашнего обеда, почему бы нам не поужинать, да не завалиться спать? Честно говоря, я сегодня чего-то какой-то уставший. И, как уже говорил, нервный – к дождю, что ли? Только...

Парк, ты ведь включишь все эти мигалки-верещалки назад? Ну, так, на всякий...

Ужин проходил в молчании.

Они по очереди подогрели в микроволновке свои подносы с уже разложенной по отсекам в пластиковых углублениях пищей. Эванс, если честно, даже не ощущал вкуса того, что ел. Но съел до последней крошки, подобрав унхлебом даже остатки подливки к эрзац-котлете. Воды в кисель долил не доверху стакана, а до половины – хотел, чтоб тот был погуще.

– У тебя – с чем?

– С клубникой.

– Чёрт. У меня тоже. Похоже, и здесь «здоровая экономия»!

– Нет, – это влез Парк, – У меня – с чёрной смородиной. Вам просто не повезло с десертом, что совпало.

– Насчёт – не повезло, так это уж точно. – Рикер поковырял в зубах, вернее, в их остатках, одной из зубочисток, торчавшей из пластикового контейнера в центре столешницы, поморщился, – Парк. Как думаешь – чего нам тут всё-таки бояться?

– Пока – не знаю. Нет, я правда не знаю, – Парк рукой пресёк попытку Рикера возмущённо возразить, – Но, думаю, мы очень скоро и сами всё поймём. Опасность, собственно, может исходить всего-то из двух источников.

– Да?! И каких же?

– Первая – внутренняя. Связанная, так сказать, как выражается любимый полковник, с самим форпостом. А вдруг здесь есть какие-то секретные комнаты... Или тоннели. Или лазы – не обозначенные на чёртовом плане, и не оснащённые видеокамерами, – Парк ткнул пальцем на висящий в столовой, как, впрочем, и во всех остальных комнатах, поэтажный план здания, – И сейчас там сидят в засаде некие... Хм. Личности, ну, или, проще говоря, зелёные человечки, только и ждущие, когда мы завалимся спать! Чтоб схватить нас, парализовать, и проводить над нами опыты! Сексуальные.

– Парк!!! Ты это – серьёзно?!

– Нет, конечно. Шучу. Для поднятия нашего сильно упавшего боевого Духа. И объяснения той нехитрой мысли, что до того, как завалиться спать, неплохо бы всё здесь досконально обыскать! И уж фонарями и детекторами не побрезговать!

– Согласен. – Эванс кивнул, глянув на Рикера. Тот тоже покивал, – Ну, а во-вторых?

– А во-вторых опасность, что куда вероятней – всё-таки внешняя. И – ну, теоретически, по-крайней мере! – бетонные стены и стальные люки могут нас защитить. Запоры, как я уже проверил, нигде не повреждены. Да и сами двери... Что бы там майор не пытался нам навесить – не погрызаны.

То есть, если нечто враждебное застало врасплох, убило, или поймало наших предшественников, сделало оно это, скорее всего, всё-таки – снаружи. До того, как они успели укрыться внутри здания форта. Или...

– Или – что?

– Или что-то вынудило их выйти наружу самих. Добровольно!

Портативные армейские детекторы, как и фонари-прожектора, имевшиеся в первом контейнере, оказались в рабочем состоянии. Даже их аккумуляторные батареи выглядели новыми, и индикаторы показывали девяносто пять процентов заряда. Рикер хмыкнул:

– Ну а если осмотр ничего не даст?

– Вот тогда как раз мы и завалимся спать. Но – уже с чистой совестью. И спокойствием. За свои тылы. Ладно. Давайте поделим зоны поиска. Рикер, какой Уровень берёшь?

– Ну... Верхний. Я предпочитаю сам убедиться в том, что с крыши до нас не достанет ни одна сволочь.

– Эванс, ты?

– Я возьму средний. Тот, где склады да вспомогательные механизмы.

– А вы молодцы. Рационалисты. Понимаете, стало быть, что с подвалом, где имеется тамбур в шахту и стоит реактор и прочие машины, я разберусь лучше всех.

– Конечно. Тебе, как мы поняли, не привыкать обращаться со сложными и громко гудящими агрегатами!

– Ну, привыкать – не привыкать, а ваша правда. С техникой я работал. Поэтому возражать не буду. Ну что, джентльмены? Вперёд?

– Вперёд!

Эванс проводил обыск и правда – скрупулёзно и тщательно.

Детектор движения совал во все углы, щели и стыки стен и потолка и пола. Однако движения воздуха, выдававшего бы наличие скрытых щелей, или перекрытых замаскированными люками проёмов, не обнаружил. Как не нашёл и ничего подозрительного на обширных полках стеллажей и поддонов, где лежали, просто наваленные, или свёрнутые в рулоны куски: жести, кевлитового полотна, сетки-рабицы. Или завёрнутые в промасленную бумагу, или упакованные в компактные ящики и коробки, материалы, и запчасти от проходческого оборудования: бурильные головки, штанги, гибкие трубопроводы для гидравлической системы, болты, гайки, детали от лебёдок, транспортёров, конвейера и всего такого прочего.

Детали, как детали: со всеми положенными бирками и табличками со штрих-кодами и обычными надписями о том, что внутри.

Два мощных робота-ремонтника, и три компактных роботележки с манипуляторами, нужные явно для доставки всего этого добра на нижний уровень, к тамбуру штольни, тоже подозрения не вызвали: стояли себе в углах комнат, мирно помаргивая зелёными индикаторами полной готовности к работе... Да вот только пока, похоже, всё оборудование и механизмы шахты-штольни работали, как часы: заменять что-либо, стало быть, никакой необходимости нет...

Спустя час пропотевший от усилий Эванс, сопя, и матерясь про себя, вылез наверх – в верхний уровень.

Рикер уже сидел на своём стуле в столовой. А тут как раз и Парк поднялся.

Они обменялись разочарованными взглядами. И поскольку никто ничего сказать не спешил, Эванс понял, что ничего они и не нашли. Но Рикер всё же счёл нужным пояснить:

– Я – балда. Мне, похоже, досталась работёнки побольше, чем вам.

– Это почему же?

– Да тут такая штука...

– Да?

– Этот люк, в потолке, – Рикер ткнул пальцем в сторону средней комнаты, направив затем палец и в потолок, и напоминая про люк в приёмном тамбуре, – Ведёт ни на какую не на крышу. А вначале – в чердачный этаж.

– Это как?

– Да очень просто. Над потолком верхнего уровня, оказывается, есть шестифутовый как бы надуровень. Вот там как раз и находятся все эти чёртовы шахты со спрятанными внутри пушками, плазменными резаками, и пулемётами. Этакие, как бы, стальные коконы-цилиндры с дверями, а внутри – само оружие. И цилиндров этих – много. Аж десять штук. Ну, я, как добросовестный таракан, ищущий пропитания на хозяйской кухне, обшарил каждый цилиндр, да и вообще – каждый закуток и щёлочку.

Правда, толку от этого не было – ничегошеньки я не нашёл. Никаких сюрпризов – монолитные стены, и больше ничего. Про то, что и верхний люк в полном порядке, и заперт отлично, можно и не говорить...

– Вот и слава Богу. Значит, форпост у нас без сюрпризов.

– Я бы не торопился делать поспешных выводов, Эванс. – Парк как всегда выглядел спокойным, – Ведь предыдущей смены – нету. А мы даже не знаем, что было с теми, кто «бдил» тут до них. И до них.

– Да и ладно. Спать-то можно идти?

– Да, Рикер. Систему я включил, как было, и спать можно с чистой совестью.

Эванс подумал, что, раз Парк, словно магическое заклинание, повторяет это снова и снова, спать «с чистой совестью» вряд ли получится...

Жуткое ощущение падения оказалось прервано самым банальным образом: он грохнулся на бок, сильно ударившись! А-а-а! Больно. Что за хрень?! Он открыл глаза.

Он – в тёмном и низком пространстве – может, как раз в том чердачном помещении, о котором упоминал Рикер. Но как он сюда попал?! Он, может быть, лунатик, и сам не заметил, как припёрся сюда во сне?..

Однако очень быстро Эванс понял, что он вовсе не на чердаке форта.

Низкое пространство снизу ограничивал не бетон. А скала. Щербатая и неровная: буквально ногу негде поставить из-за рытвин, ухабов, да валяющихся везде крупных и мелких обломков. А скала, заменяющая потолок, отличается только тем, что там нет кусков скалы. Розово-бардовых. Как и всё вокруг – включая толстые как бы столбы-колонны, подпирающие свод над головой. Светится, как ни странно, сама эта порода.

Штольня с ураном, что ли?..

И как он, интересно, здесь оказался?

И где все остальные?

И что это странно шипит, и побрякивает, словно железными вилками-ложками в кухонном ящике, там, за спиной?

А зря он повернулся. Злобная монстра, имевшаяся всего в десяти шагах, приоткрыла шире здоровенную пасть, и зашипела куда громче: почуяла добычу! И хотя крохотный голосок в мозгу напоминал слова «общего инструктажа» о том, что земные организмы, точно так же, как инопланетные – для землян, являются наверняка смертельной отравой, от которой запросто можно в муках умереть, Эванса это не успокаивало: вряд ли быстро двинувшаяся к нему на десятках крохотных лапок, расположенных по нижней кромке змееподобного тела, монстра знает о раскладках земных учёных!

Так что он схватил, как говорится, ноги в руки, и задал шикарного стрекача!

Потому что ничего, что можно было бы использовать как адекватное оружие, кроме чёртовых кусков камня, вокруг не имелось!

Тварь, похоже, сильно обиженная таким бессовестным поступком потенциального обеда, зашипела ещё громче, и припустила следом. И хотя её лапки-конечности были куда короче Эвансовских ног, их было буквально видимо-невидимо, и сейчас они так мелькали под цилиндрическим туловищем, что почти сливались в неопределённое пятно. Однако догнать его зверюге пока не удавалось. Что не могло его не порадовать: зубастая пасть, занимавшая добрых полморды, клала весьма устрашающе. Такой «ротик» цапнет – мало точно не покажется!

Пробегая по свободному пространству между колонн, Эванс то оглядывался, то вглядывался вперёд, но конца-края странному месту, куда он попал, пока видно не было. Мысли в голову лезли всякие, преимущественно дурацкие: может, это – сон, и чтоб проснуться, нужно как раз дать твари цапнуть или сожрать себя? Но посещали и обычные: как он попал сюда, и что делать дальше?!

Но вот впереди забрезжила стена, которой пещера-шахта явно заканчивалась. Эванс, не сбавляя хода, побежал налево, надеясь, что угадал.

Оказалось, однако, что не угадал. Шагов через сто упёрся в угол: возможно, подземелье имеет вид прямоугольника. Он ломанулся теперь вдоль боковой стены, практически назад.

Тварь, как выяснилось, знала подземелье гораздо лучше его, и где-то срезала приличный угол: выскочила вдруг почти прямо перед ним! Эванс, поняв, что дело – труба, схватил попавшийся под руку здоровенный камень, и что было сил запустил зверушке в голову.

Камень ударился прямо о верхнюю челюсть, возле хищно прищуренного глаза, но ощутимого ущерба не нанёс: гадина разинула пасть ещё шире! Эванс подумал, что запросто поместится туда весь – особенно, если его начнут жрать с головы... А не хотелось бы!

Поэтому он кинулся тварюге навстречу, и поднырнул под поднятую к нему морду, применив ещё и руки, и постаравшись обхватить то, что заменяло животине шею.

Мысль оказалась плохой: никакой шеи у твари не имелось, а похожая на щучью голова переходило непосредственно в тело-сардельку. Так что от мысли задушить монстру пришлось отказаться. Как и от мысли обездвижить тварюгу, перевернув её на спину: не переворачивалась эта сволочь! То есть, пока Эванс умудрялся повернуть морду с передней частью туловища, задняя выгибалась, разворачиваясь, и какая-то часть ножек всё равно доставала до пола, и шкрёбала по нему, в попытках уронить на пол уже человека!

Поняв, что ситуация – патовая, и удержать шершавую шкуру вполне возможно, но особого смысла нет, Эванс заорал от злости:

– Какого хрена тебе надо, сволочь такая?

Ответа он, само-собой, не ожидал, но тварь вполне внятно отозвалась:

– Сожрать тебя! Со всеми потрохами!

Голос у странного хищника оказался хриплый и малоразборчивый, совсем как у Рикера, но Эванс почему-то сразу подумал, что уж это-то – точно доказывает, что он всё-таки спит!!!

Однако проснуться почему-то не удавалось, как он ни старался!

Всё так же сердито шипела охваченная за перед морды тварюга, и всё так же упорно не желала переворачиваться на спину, или прекращать шёлкать зубами. Рассерженный абсурдностью ситуации Эванс решил на крайние меры: заорал:

– Если сейчас же не прекратишь нападать на меня – я тебя укушу!

Вместо ответа тварь заизвивалась ещё сильнее.

Эванс раскрыл рот пошире, и вцепился в шершавую кожу у так называемого подбородка – вот именно, что только «так называемого»! Рот наполнился кровью, оказавшейся на вкус очень солёной, и горячее. А ещё она отдавала словно бы рыбой и болотом! Почувствовав дикое омерзение, Эванс выплюнул оказавшийся во рту откушенный кусок. А когда рот освободился, зарычал, и заорал:

– Перекушу твою проклятую шею, хотя бы для этого пришлось грызть час! Ты сдохнешь!

Заскулившая, словно от страха, тварюга вдруг стала таять в его руках, и...

Он понял, что сидит на своей койке, а за плечи его трясут, выкрикивая: «Проснись! Проснись же! Да что с тобой такое?! Эванс, приди уже в себя! Вот скотина настырная!»

Рикер и Парк. На лице Рикера написано неподдельное беспокойство. Да что там: страх! Эванс, проморгавшись, выдохнул:

– Вот спасибо... Что разбудили. Ну и жуть мне приснилась!

– Да мы уж поняли. Ты так орал, что перебудил бы и чёртовых летучих мышей, если б они остались ночевать на крыше! А уж кровать тряс – хорошо, она стальная, а то – точно развалилась бы.

– Блинн. Не знаю, с чего бы, может, перевозбудился я. Или тут, на Адонисе, что-то неладно с воздухом... Но кошмар и правда – был жуткий. Вот уж – бред так бред! Да ещё такой правдоподобный, сволочь, совсем натуралистичный... Всё – как в жизни!

– Расскажешь?

– Зачем это? – Эванс вылупился на Парка. Но тот и не думал шутить:

– Ну, знаешь, есть такая непроверенная, но прилипчивая легенда. Вернее – поверье. Что когда осваивают новые планеты, некоторым, особо, вот именно – впечатлительным, и «возбу-

димым» первопоселенцам снятся такие... Как бы – вещие сны. Я принадлежу. К тем, кто в это верит.

Думаю, нам не повредит знать, с чем мы... Ну, или те, кто был здесь до нас – можем, или уже сталкивались!

Эванс посмотрел внимательно в глаза Рикера. Они сказали ему больше, чем нарочито спокойный тон Парка: его товарищам по несчастью и правда – страшно.

Возможно, ничуть не меньше, чем только что было ему самому...

– Значит, говоришь, на огромную сардельку?

Эванс откусил ещё кусок бутерброда, кивнул. Переместив пищу за щеку пояснил:

– Скорее, всё-таки, на сосиску. Пропорции казались странными: при длине туловища футов в девять-десять, толщина – ну, то есть – диаметр туловища – был фута полтора. Или чуть поменьше?.. Короче – вот такое. – он показал, обхватив руками это самое несуществующее туловище, – А уж гибкое – я просто офигел. Думаю, мне удавалось удерживать его только потому, что оно оказалось куда легче, чем я думал – фунтов сто пятьдесят – сто семьдесят. Словом – легче, чем я.

– Странно. – Парк не торопясь жевал стандартный завтрак, наверняка тоже не ощущая вкуса пищи, как и Эванс, и брови пожилого мужчины хмурились, – Если оно было фута полтора, по-идее, при такой приличной длине ему полагалось бы весить побольше. Например, свиньи при таких параметрах весят фунтов под триста.

В разговор вступил помалкивавший до этого Рикер:

– Ну, этот момент объяснить-то как раз нетрудно. Я сталкивался. У многих животных внутри – пусто. – увидев обращённые на него недоумённые взоры, Рикер поспешил пояснить, – То есть, я имею в виду, что все внутренние органы занимают на самом деле не весь внутренний объём. Много места занимают лёгкие, или специальные воздушные мешки. Но эти почти ничего не весят. А ещё больше пустого места имеется в так называемой брюшной полости. Там всегда есть пустое пространство. Чтоб желудку и кишкам было куда раздуться, когда их наполнили. Пищей. Ну, как, например, у удавов. Или коров.

Парк хмыкнул:

– Похоже на правду. А откуда ты так хорошо знаешь про внутреннее устройство тел животных?

– Будете смеяться. Я – чучельник. Ну, вернее – был учеником и помощником чучельника. Пока не подрался с ним, и не ушёл в ученики к строителям.

Эванс почесал в затылке. Надо же – вот так и выясняются интересные подробности из биографий его напарников. Он всё же решил спросить:

– А из-за чего подрался-то? Запорол какую-нибудь тушку?

– Да нет. Трахнул жену босса.

Парк с Эвансом переглянулись. Затем, не сговариваясь, заржали.

Рикер, похоже, обиделся:

– Ничего смешного не вижу. Она была моложе его на двадцать три года. Ясное дело, что ей хотелось. А муж уже... Сами понимаете.

– Извини, Рикер. – Эванс утирал выступившие слёзы, – Не обижайся, пожалуйста. Мы не хотели тебя обидеть. Нет, правда. Это – нервный смех. Разрядка, думаю. А то мы всё это утро так напряжены и серьёзны – аж до умопомрачения. Потому что уж больно, похоже, напугал я вас, да и себя, своими воплями, и этой, «предсказанной», тварью. Да и сам, если честно, жутко её перепугался.

А тут такое дело – простые и понятные бытовые подробности интимной жизни чучельника и его жены!

– Согласен, есть с чего напрячься и посерьёзнеть. Да и испугаться. Ладно, я не в претензии. – Рикер подал им по очереди руку, – Но что нам теперь делать? Я имею в виду – что, если тварюга и правда – где-то здесь существует? Как и «розовое» подземелье?

– Что делать-то, как раз понятно. – Парк, закончивший трапезу, задумчиво ковырял зубочисткой в коренном зубе, – Во-первых, никуда не ходить без ручного пистолета-лазера. Во-вторых, форпоста не покидать ни при каких обстоятельствах. Ну а в третьих...

Может, тебе, Эванс, попробовать на ночь пить снотворное?

– Попробовать-то оно конечно, можно... – Эванс покачал головой, – Потому что если то, что сказал майор про огромных насекомых – правда, у меня действительно появится гораздо больше – уже фактического материала для кошмаров!

Материал для кошмаров, и не только у Эванса, действительно появился.

Правда, это случилось только после обеда, до которого они, уже спокойно и обстоятельно осмотрели все помещения всех уровней. Эванс не без интереса изучил и подвал с его мини-реактором, энергоустановкой, цистернами с водой, и всяческим вспомогательным оборудованием – насосами, щитами электrorаспределения, слесарной мастерской со станками для гибки и резки металла, наждаком, сварочным аппаратом, и прочим нужным для выживания и ремонта чего бы то ни было, оборудованием форпоста.

Осмотрели, само-собой, и обнаруженный Рикером «чердак». Ну и – ничего. Лишь в одном из углов громоздилась груда пустых дощатых ящиков, наваленных явно впопыхах и как попало.

Эванс буркнул:

– Странно. А-а, наверное, какие-нибудь особо ценные запчасти от оружия: ну, там, лазерные прицелы-дальномеры, пакетные патронташи, плазменные генераторы...

Рикер пожал плечами:

– Да и ... с ними. Пусть себе валяются – я лично таскать их к конвертеру не собираюсь!

Парк промолчал, поскольку изучал куда внимательней само оружие. Осмотром остался доволен:

– Удивительно. Но всё – в полной готовности. Заряд аккумуляторов полный. Только вставляй только магазины – и пали!

Во время обеда Эванс всё же не удержался, спросил Парка:

– Парк. А почему здесь, как обычно бывает в изолированных и самодостаточных опорных пунктах, нет центрального компьютера? Не ведётся записей на флэш-память того, что поступает с видеокamera? И нет всех этих новомодных, самостоятельно всё делающих, дронов и дроидов?

– Ага. Наконец-то это заинтересовало хоть кого-то кроме меня. Отвечаю: скорее всего для того, чтоб мы никаким образом не могли выяснить, что же произошло с теми, кто дежурил здесь до нас. И заодно – чтоб не сачковали, полёживая себе на койках, да поплёвывая в потолок!

Меня-то это поразило ещё в тот момент, когда сел в чёртово кресло оператора. Гляжу, куда привык, а там, вместо панели с этим самым положенным центральным компьютером – заглушка. И, что напрягло меня ещё больше – действительно не ведётся записи того, что поступает с камер наружного и прочего наблюдения. Только прямая, так сказать, онлайн – трансляция.

– Чёрт. Но... Погоди-ка. Ведь проходческое оборудование, и цех по обогащению – должны управляться как раз компьютером! Ведь именно там случаются всякие непредвиденные ситуации! Ну, там, сверло сломается. Или зубья ковшей ротора изотрутся, и надо менять. Или обвал. Да мало ли! Как же всё это работает без управления?

– Ну, почему же – без управления? Напоминаю: главный проходческий комбайн имеет, само-собой, центральный процессор. Который следит за рабочими параметрами и исправно-

стью его механизмов и агрегатов. Он и передаёт при необходимости нужные команды роботам-ремонтникам. Думаю, непосредственно по радио. А в обогащательном цеху есть и роботизированная кран-балка. Которая тоже следит за рабочими процессами, и в случае чего тоже исправляет поломки. Сама. Вызывая к себе на подмогу роботов-ремонтников, или те роботележки, которые мы уже видели на втором. Запчасти тут есть. Программа в каждом из чёртовых механизмов шахты имеется. Ну и не надо тут никаких таких особо «интеллектуальных» мозгов или компьютеров.

– Проклятье! Сволочи. Значит, никак нам не выяснить, что тут было до нас?

– Ну почему же. Я могу залезть в скафандр высшей защиты, тот, который в шкафу номер два, там, внизу, – Парк ткнул в сторону подвала, – и пройти к кран-балке и проходческому комбайну. И извлечь из их памяти, когда и что в них ломалось или заменялось. Правда вот, не думаю, что такая информация нам нужна. И поможет хоть что-то выяснить про то, что случилось с людьми.

А уж если совсем честно – я вообще не понимаю, за каким ...ем нужно привозить сюда этих самых людей! То есть – нас!

Судя по задвигавшимся желвакам Парка, тот и правда – серьёзно злился на «работодателей». Эванс подумал, что пожилой мужчина скорее всего уже имеет определённые версии. Относительно их действительного предназначения на этом форпосте.

И на этой планете.

Однако спросить пока Эванс не решился – он, если честно, правды о своей «миссии» боялся ещё больше, чем встречи лицом к лицу с «опасными» насекомыми. Невидимая и неизвестная угроза, конечно, всегда страшней, чем конкретный враг. Но человек ведь такая тварь – вроде страуса. Всегда предпочитает спрятать голову в песок от грядущих проблем и угроз. Тем более, есть такой замечательный способ оттянуть узнавание конкретного приговора: пострелять. В того, в кого, вот именно, можно пострелять!

Чем они и занялись, когда зуммер сигнализации снова забибикал мерзкими сигналами, и они ломанули на крышу, куда Парк уже после завтрака выдвинул из колодцев всё имевшееся оружие, а Эванс и Рикер заменили использованные аккумуляторы лазерных пушек, и пустые и полупустые блоки с патронами и ёмкости с напалмом у остальных орудий – на полные. Приготовили, конечно, на всякий случай и запасные обоймы.

Насекомые приближались быстро. Они и правда выглядели солидно и устрашающе – от полутоны и выше. То, что они, как и было обещано, напоминали богомоллов, ракоскорпионов, и крабов, несколько уважения к ним не снижало: любой, даже самой маленькой клешни, или цепкой конечности с жуткими гигантскими щетинками, запросто хватило бы, чтоб перекусить человека пополам! Ну, или сильно повредить кости и мышцы того, кто был одет в спецкомбезы из кевлита. Сделав, само-собой, недееспособным. Это – если мягко говоря. А попросту – раздавленным, и умирающим в мучительной агонии.

Парк, занявший место на кресле центральной лазерной пушки, проорал, пытаясь заглушить клацанье и стрёкот, издаваемые прущей почти сплошной массой, стаи:

– Начинаем, как договаривались, лазерами!

Эванс и Рикер, тоже уже сидевшие у «своих» пушек на их жёстких креслах, не ответили: зачем, если обо всём договорились заранее, и план использовать сразу оружие помощней и понадежней, принят единогласно?!

– Огонь!

Эффективное поражение большие лазерные пушки способны вести до дистанции в два километра. На более дальних дистанциях луч неизбежно расфокусируется, ну, или рассеивается, гасится о частицы атмосферы. Но тут такой проблемы не было: как только вал нападавших появился из-за деревьев, их стало отлично видно. Белые, похожие на раскалённые, невероятно длинные спицы, смертоносные лучи легко настигали коричневые, жёлтые, и зеле-

новато-серые монстроподобные тела, круша, разрезая, и превращая в окровавленные ошметки грозные машины для убийства, которыми насекомые казались Эвансу. Однако ни писка, ни рёва, ни предсмертных стонов, или злобного воя твари не издавали. Только вот вряд ли от избытка мужества – скорее, от отсутствия звукоиздающего аппарата. Типа речевых связок. Или хотя бы глотки с резонирующим мешком.

Парк отлично справлялся с «выкашиванием» фронтальной зоны, которую взял себе, как наиболее подготовленный и опытный оператор, Эванс «крошил» левый сектор, Рикер – правый. Насекомые, которые, конечно, не могли не видеть, что происходило с их сотоварищами, тем не менее нисколько этим фактом не смущались: продолжали напирать и лезть вперёд, двигаясь сверху по, и прямо сквозь ещё дымящиеся трупы и их куски!

Рикер, побледневший, и тяжело дышавший, первым начал проявлять признаки паники: слишком часто оглядывался на Парка и Эванса, и сильно потел: с его лица так и текло! Эванс подумал, что наступает критический момент. Сейчас будет видно, кто на что способен. И станет понятно, может ли он доверять, полагаться на своих товарищей по оружию!

В секторе Рикера стали появляться как бы островки и выступы: это вперёд удавалось продвинуться тем тварям, в которых тот не попал. Ну, или попал, но – не поразил сразу насмерть. Парк, оказывается, успевавший следить и за ними обеими, заорал:

– Не суетись! Работай методично! Раз – влево, раз – вправо! И луч выше не задирай!

Это, казалось, простое указание, Рикера вроде как успокоило: он не мог не видеть, что и Парк и Эванс прекрасно справляются с монстрами, практически не давая тем пробежать дальше нескольких метров от кромки джунглей.

Теперь же Рикер перестал оборачиваться, и Эванс боковым зрением увидел, что его луч и правда – опустился ниже, и прекратил хаотичные метания от одной прорвавшейся группки тварей к другой. И сейчас сосредоточенный оскалившийся мужчина начал работать так, как работали и Парк и Эванс: словно вода гигантской косой на небольшом расстоянии от земли, по плавной дуге – туда-сюда, охватывая весь сектор обстрела.

Это принесло свои плоды: участок Рикера быстро перестал быть «угрожающим», и трупы и ошметки тел теперь громоздились там тоже – аккуратными ровными как бы валами. Эванс мысленно сплюнул три раза через левое плечо – делать это так, как положено, то есть – материально, времени и возможности не было: чёртовы монстры всё лезли и лезли, словно не было их числу счёта!

Однако к счастью это оказалось не так.

И вот уже люди «подчищают», дорабатывая ползущих вперёд особо упорных раненных, и добывая лишь отдельных, похоже, приотставших, целых особей!

Парк, кинувший взгляд куда-то вниз, проорал, хотя, как выяснилось, можно было уже и не повышать голоса, так как он больно резанул по ушам в наступившей почти полной, словно мертвящей, тишине:

– Шесть минут сорок две секунды!

И добавил, уже куда спокойней:

– Думаю, никакого смысла работать плазмой и разрывными из пулемётов нет. Все их хитиновые панцири отлично режутся нашими лазерами. Даже странно.

– Что странного? – Рикера всё ещё потряхивало, и челюсти у него дрожали.

– Странно, говорю, что здесь они есть. И плазменные пушки, и крупнокалиберные пулемёты. С разрывными пулями. Ведь на военных это не похоже – чтоб они, поняв эффективность какого-то конкретного оружия в каждом конкретном случае, снабдили нас дополнительно и кучей резервного. Да ещё столь разнопланового действия. Так что думаю, сюрпризы не закончились.

– В смысле – не закончились?

– А очень просто. Скорее всего, завтра, или послезавтра на нас полезет кто-нибудь ещё. Бронированный и куда более смертоносный. И не боящийся лазеров!

– Вот уж обрадовал!

– Да нет. Просто это – вполне логичный вывод.

Хоть для нас и не слишком утешительный!

Ужинали в атмосфере уныния и горечи.

Как это состояние обозначил Эванс: «Словно дерьма нажрался! И впереди ещё несколько таких обедов. Неизбежных.» Конечно, Парк попробовал поднять настроение, и прибавить бодрости духа товарищам по оружию:

– Не нужно их жалеть. Такие твари и правда – не могут быть разумны.

– Мозгами-то я это понимаю, Парк. Но... Страшно это выглядело. – Рикер прикусил было губы изнутри, но всё же сказал, – Спасибо, кстати. Вот: наконец собрался сказать. За то, что вправил мне на место. Эти самые мозги.

– Всегда пожалуйста. Вы тоже не стесняйтесь: вправляйте, если увидите, что надо, и мне. А то тут такое дело... Может понадобится. Вправить.

– Ты это о чём? Что у нас тут ещё намечается?

– У нас намечается очередная ночёвка. Думаю, раз Эванс уже оказался «покрещённым», теперь очередь кого-то из нас. На кошмар.

– Ты это брось. Мне не нравится такой юмор.

– Мне тоже, Рикер. Но в каждой, как говорится, шутке есть доля шутки. А всё остальное – чистая правда.

Сегодня Эванс провёл под душем куда больше времени.

Не то, чтоб он сильно испачкался или пропылился – просто пропотел там, под кевлитовым костюмом, от души. Но омерзительное чувство, что с ног до головы запачкан кровью и ошмётками чужой плоти упорно не желало покидать подсознание.

Как он позволил себе так вляпаться?!

Ведь там, дома, ни вот на кончик мизинца не жалел, когда полосовал калённым лезвием мерзкие наглые рожи бандитской шпаны – но – *людей!* А здесь...

Чувствует себя, словно забрался с огнём в муравейник!

И подло и нечестно – твари даже не могут адекватно ответить – не то, что шпана, у которой тоже имелись и ножи, и электрошокеры, и перцовый спрей...

Ведь несчастные насекомые просто защищают свою землю! Хотят очистить исконно принадлежавшую им территорию от наглых захватчиков! И пусть у них нет мозгов в привычном смысле, но что-то же они соображают и понимают?! Например то, что двуногим мягкотелым уродам-чужакам здесь явно не место. И оружие, которое они применяют, уместно здесь, среди их данных природой (Ну, или естественным отбором!) клешней, жал и жвал, так же, как лягушка в бокале шампанского. Ну, или как океанский лайнер в пруду маленького сквера.

Нечестно!

Вероятно, поэтому и стыдно.

Тёплые упругие струи рекуперированной и хлорированной воды смывали с него пот и пыль, но угрызения чёртовой с-суки – совести! – водой не смоешь!..

А ещё Эванс думал, что если Парк прав, и кому-то из них действительно покажут сегодня кошмар, кто же эти таинственные и пока невидимые «они», кто столь свободно и конкретно пролезают в подсознание спящего человека? И какой технологией нужно обладать, чтоб показывать такое, персональное, и внутрисознательное, «шоу»?

Вытеревшись, он долго стоял и просто смотрел в облицованную уникафелем стену.

Смотреть на «уборщиков»-многоножек не хотелось. Но – надо. Мало ли!..

Уборщики появились в половине десятого – темень спустилась на джунгли и немного расширившийся пустой плацдарм как и вчера, в восемь с небольшим.

Вначале Эванс с Парком и Рикером, пялившиеся в мониторы наружного обзора, уже перестроенные на тепловой диапазон, даже не поняли, что многоножки заявились. Просто то тут, то там по грудам неподвижных тел и их кусков, уже истёкших кровью, пробегало как бы шевеление – словно кто-то трогает эти самые бранные останки, пробираясь меж ними. Но затем Эванс увидел:

– Смотрите! – он не постеснялся указать пальцем. Голос, будь он неладен, предательски дрогнул.

Особо крупный кусок тела одного из богомоллов, с толстеньким сегментированным брюшком, вдруг встал вертикально, словно указующий перст, и рывками ушёл под землю!

Парк подкрутил рукоять настройки, камера наехала на привлёкший их внимание участок: точно! Земля, а вернее, песок под наваленными телами шевелился и словно шёл буграми и валиками – сразу становилось понятно, что под поверхностью движется что-то реально крупное и сильное! Но вот оно и проявилось: возле ещё одного крупного куса тела ракоскорпиона на поверхности показались мощные жвала, схватившие голову с отрезанной передней частью, и немаленький, в диаметре не менее метра, почти круглый панцирь стал рывками погружаться – дюймов на десять за рывок!

Эванс поймал себя на том, что вцепился в спинку кресла Парка, за которой стоял сейчас, автоматически поднявшись со своего, так, что побелели суставы! Но сдержал возглас, чтоб снова не облажаться. Рикер прокомментировал ситуацию куда эмоциональней:

– Срань Господня! Жуть! Вот с ними бы и правда – встретиться лицом к лицу не хотелось бы!.. Тут, по-моему, не помогут и лазеры!

– Это уж точно. Потому что их лучи практически не проходят сквозь землю.

– Зато проходят через стволы, Эванс. – Парк откинулся от экрана, словно увидел всё, что хотел увидеть, – Мы «накосили» деревьев – будь здоров! Думаю, просека расширилась метра на три! Так что можно прикинуть, что если те, кто работал тут до нас, действовали примерно так же, то получается, что до нас тут применяли лазеры всего-то раз двадцать-тридцать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.